

әйтмнәр белән ныгыта: “Әгәр аю хәтле яклаучысы булса, куян да бүрене гаепли ала...” [1, б. 435], “Егылсан, яхшы аттан егыл” [1, б. 359], “Әгәр кешегә ышансалар, ул акыллыга әверелә” [2, б. 308], “Кешенең бөтен гомере өчен иң жаваплы чорына – аның акылы азрак чагы – яшьлеге бирелгән” [5, б. 173]

Язучы ижатын күзәткәндә шартлылыкның көчле булуы (символик мәгънәгә ия булган боз, тавыш, төлке, ай образлары) ачыкланды. Ә.Баян прозасында ассоциатив параллельләрнең күп булуы да күзгә ташлана. Әйтик, “Урланган ай” повестенда бүгенге көн белән ерак үткәннәр арасында бәйләнеш барлыгын күрсәтү өчен, язучы Марва Артёмовна язмышыннан бәйләнешле эпизодлар китерә. Ул гомерен, бөтен көчен совет балаларын тәрбияләүгә бирә, әмма үз улын чит кеше үстерә... [4, б. 32].

Кеше баласын үз тормышын куркыныч астына куеп коткарса, баржада ятим балаларга ипи өләшкәндә оныгып үз баласына өлеш чыгармый. Марваның ай яктылыгына омтылуын һәм һәлак булуын да героиняның идеалларын тупикка китереп житкәргән идеология белән янәшәлектә карарга мөмкин. Илнең байлыгын таркаткан житәкчеләр төштә ай бәләшнә бүлгәлэгән женнәр төсендә бирелү, пластинка, сәгать кебек детальләр дә язучының образлы сурәтлелеккә ирешү юлында уңышы.

Гомумән, кайсы гына проза әсәрән алсак та, Ә. Баян телебезнең бай сурәтләү чаралары, көтелмәгән ассоциацияләр, аллегорияләр, символ дәрәжәсенә житкән образлар, уңышлы поэтик детальләр, стилистик чаралар белән эш итә. Алар герой психологиясен, характерын, әсәрнең эчтәлеген тулырак ачарга ярдәм итәләр, тәэсир көчен арттыралар.

Әдәбият

1. Баян Ә. Сайланма әсәрләр. 1 нче том. – Казан: ТКН, 1993, – 383 б.
2. Баян Ә. Сайланма әсәрләр. 2 нче том. – Казан: ТКН, 1993, – 362 б.
3. Баян Ә. Су өсләрендә пароход // Казан утлары, 1997, – №11.
4. Баян Ә. Урланган ай // Казан утлары. – 1994. – №1.
5. Баян Ә. Язмыштан узмыш. – Казан: – ТКН, 1975. – 392 б.
6. Баян Ә. Жәй белән жәй арасы // Казан утлары. – 1991. – №6.
7. Миннуллин Ф.М. Балта явызлар кулында: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан: ТКН, 1994. – 344 б.

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,

*к. филол. н., доцент кафедры
татарской литературы*

Института филологии и межкультурной коммуникации К(П)ФУ

г. Казань, Татарстан, Россия

e-mail: mileuscha@mail.ru

УДК 821.512.

ОБРАЗ САБАНТУЯ В ПРОЗЕ А.М. ГИЛЯЗОВА

THE IMAGE OF SABANTYI IN THE PROSE OF AYAZ GILYAZOV

Аннотация: В статье выявлена роль татарского праздника Сабантуй в произведениях А.М. Гилязова. Изначально в творчестве писателя этот праздник несет в себе героический потенциал («Качак», «Өч аршин өч аршин жир», «Мәхәббәт һәм нәфрәт турында хикәят», «Жомга көн, кич белән...»). В произведениях А.Гилязов нет описаний состязаний, его внимание скорее сосредоточено на ритуальной функции праздника. Отход от традиций предков в повестях («Жомга көн, кич белән...») и романах («Балта кем кулында?», «Кылдан нәзек, кылычтан үткен») трактуется А.М.Гилязовым как знак дисгармонии в обществе.

Ключевые слова: татарская литература, татарская проза, А.М. Гилязов, нациосфера, хронотип, Сабантуй.

Abstract. In this article we outlined the role of Sabantyi Tatar festival in the prose of Ayaz Gilyazov. From the very beginning this festival bears the heroic potential in his works (“Kachak” (“The fugitive”), “Uch arshin jir” (“The seven yards of land”), “Mahabbat ham nefret turinda” (“The tale about love and hatred”), “Jomga kun kich belen” (“On Friday evening”). We can not find the description of Sabantyi’s competitions, instead the writer concentrates on the ritual function of this festival. He accesses the break from the ancestors’ traditions in “Uch arshin jir” (“The seven yards of land”), “Balta kem kulinda?” (“In whose arms is the axe?”) and “Qildan nezek, qilichtan utken” (“Thinner than string and sharper than sword”) novels.

Keywords: the Tatar literature, the Tatar prose, Ayaz Gilyazov, the national sphere, chronotype, Sabantyi.

Впервые о природе праздничной культуры татар А.Гилязов начал задумываться еще будучи в сталинском лагере. “Хотя наш народ и не привык проводить по праздникам шумных застолий, он любит их отмечать”, – делится он своими наблюдениями с матерью в письме от 24 апреля 1954 г. [2, 9]. С первых шагов на литературном поприще писатель стремится к созданию парадигмы знаково-символических средств, формирующих структуру нациосферы. Одним из каналов национализации у А.М.Гилязова выступает структурирование времени. В ряде наших работ мы уже раскрыли особенности репрезентации мусульманского календаря в произведениях писателя [6, 8-9], а также выявили специфику изображения обрядов аграрного цикла [7, 189-190]. Цель данной работы – выявить роль праздника Сабантуй в прозе А.М. Гилязова.

Впервые праздник Сабантуй упоминается в повести «Качак» («Беглянка») (1959) [3, 72-124]. А.Гилязов озабочен будущим татарской деревни. Структурообразующей в повести становится антитеза деревня Балчыклы – колхоз «Көчле ирек». Создавая портрет коллектива колхоза-передовика, писатель фиксирует внимание на укорененности жителей в народной традиции. Село издавна славилось победителями праздничных состязаний: будь-то скачки, бег или национальная борьба – көреш. Общеизвестно, эти виды состязаний являются древними и основными на Сабантуе. Они были связаны с кочевым и полукочевым бытом татар и ранее имели сакральное значение. Таким образом, в повести «Качак» раскрыта роль праздника в обеспечении единства села.

Примечательно, что колхоз Балчыклы, откуда родом главная героиня Танзиля, на Сабантуе прославился лишь танцором Наби. Едкой иронией пронизаны строки о том, что секретарь местного комитета комсомола был заядлым танцором и любителем посиделок. Ленивый от природы, Наби прятался за завесой комсомольской риторики. Приехав в соседнее село, он не интересуется передовым опытом, а спешит в гости к тетке, которая всегда считала бессмысленной работу в колхозе.

Бибинур – представитель молодежи передового села – во время экскурсии приводит гостей на гору, к сакральному камню песчаника, испещренному именами, цифрами, словами признания в любви. Оказывается, в деревне среди молодежи доброй традицией стало приходиться к сакральному камню в день Сабантуя, чтобы увековечить свою клятву верности. Укорененность жителей в традиции, их локальная привязанность имплицитно представлена через эти записи на камне на арабском, латинице и кириллице. Сакральный камень помогает Танзиле понять, что в жизни каждого человека есть место не только для труда, но и для любви и радостей семейной жизни. Так имплицитно в повести возникает образ вечерних игрищ, ставших неотъемлемой частью Сабантуя. Если в деревне Бибинур они проводились на вершине горы, то в родной деревне Танзили – на лесной поляне. Родители не препятствовали молодежи. До глубокой ночи звучала гармонь, парни и девушки пели песни, водили хороводы. Как указывает Р.К. Уразманова, эти игрища открывали время весенне-летних игрищ и хороводов, проводимых на природе [10, 43].

Таким образом, уже в повести «Качак» А. Гилязов зафиксировал, что Сабантуй – это народный праздник, предваряющий сев. Скачки и различные состязания, вечерние игрища составляют суть праздника. У писателя сабантуй выступает, с одной стороны, как мирный сельскохозяйственный праздник, с другой стороны, ему свойственны черты праздника героического. Через Сабантуй писатель прославляет жизнетворческую энергию жителей деревни, превративших родную землю в райский сад. Исходя из этих соображений, А. Гилязов приписывает Сабантуе ритуальную функцию – сохранение национального единства. Писатель стремится убедить своих читателей из числа татар приезжать на родину в дни этого праздника, чтобы ощутить преемственность поколений и свою причастность к жизни нации.

«Наш народ, уж исстари повелось, он землей живет, не надышится на нее... Я и сама смолоду страсть как любила работать в поле!.. Придет весна, не хочется, бывало, и в избу заходить. А ведь тяжело! В страду, случалось, по две недели чулок не снимала — некогда! И все же весело!.. Неспроста любимой птицей наших дедов был полевой жаворонок, любимым праздником — праздник плуга — сабантуй. Ой, как весело праздновали!» – вспоминает в больнице Шамсегаян, главная героиня повести «Өч аршын жир» («Три аршина земли») (1962). «Сабантуй и теперь хорошо празднуется, хотя по сравнению с прошлыми годами бывает не так людно», — в этой ответной реплике врача А. Гилязов фиксирует контуры наметившейся глобальной национальной катастрофы [1, 115].

Несмотря на трагическую разлуку с родной землей Шамсегаян даже на чужбине подчиняет свою жизнь ритмам народной жизни. Когда «наступала пора сабантуев, она не выдерживала, мыла, чистила, все прибирала в доме, пекла большой пирог и опять растревляла его изболевшуюся душу...» [1, 132].

В повести «Мәхәббәт һәм нәфрәт турында хикәят» («Любовь и ненависть») (1972-1973), писатель, перечисляя сельские обычаи, особо акцентирует внимание на одном из них – «уважать старших», а именно «почтенных аксакалов, батыров сабантуя» [1, 161]. Указывая на роль стариков и детей в Сабантуе – «знаковых» категорий состава семьи – А. Гилязов стремится особо подчеркнуть идею непрерывности жизни, которой пронизана календарная обрядность татарского народа.

Ярче всего Сабантуй представлен в повести «Жомга көн, кич белән» («В пятницу, вечером...») (1972-1979). Общеизвестно, что этот праздник включал в себя не только состязания на праздничном майдане (скачки, бег, прыжки, национальная борьба – көреш), но и ряд других чередующихся обрядов, обрядовых

действий, развлечений и состязаний. В частности, в повести «В пятницу, вечером...» упоминается обряд подготовки подарков победителям Сабантуя: Больше всего любила Бибинур «конные скачки, и праздник для нее был, если первыми приходили скакуны из Аксыргака! Всегда готовила и отдавала специально вышитое для конных скачек полотенце — и в девичестве, и в годы замужества, да и позже, даже в послевоенные трудные годы — так что много ловких парней-наездников со всей округи, приезжая на сабантуй в Аксыргак, вытирали пот полотенцами, вышитыми искусными руками Бибинур» [1, 380]. Как отмечает фольклорист Уразманова Р.К., «самым ценным подарком считалось полотенце, которое получали с каждой молодухи — яшь килен, вышедшей замуж после предыдущего сабантуя. Они специально для этих целей готовили один из лучших, богато орнаментированных полотенец из своего приданого» [10, 40]. Автор не случайно вводит в повествование этот эпизод: с одной стороны, читатель узнает о свойственном Бибинур художественном вкусе. (Это еще одно свидетельство поэтической одаренности ее натуры), с другой, мастерство героини в рукоделии указывает на вписанность героини в национальную традицию.

Сабантуй у татар «не имел календарной даты, но и определенного (установленного) дня недели. Все зависело от погодных условий, интенсивности таяния снега и, соответственно, степени готовности почвы к севу яровых культур [10, 41]. А. Гилязов негативно оценивает стремление современников вырваться из рамок обряда: «народ недоволен: иль нельзя твердо наметить день сабантуя? Что стоит, например, закрепить для этого второе воскресенье июня, или, в крайнем случае, праздновать сабантуй на день рождения Татарстана» [1, 321]. Для писателя — это еще одно свидетельство раскрестьянивания татарского народа, отрыва его от корней.

Сабантуй был чисто своим деревенским праздником. На него не было принято приглашать гостей из других деревень. Вот почему в повести «Жомга көн, кич белән...» А. Гилязов указывает, что накануне национального праздника Сабантуя в деревню со всех концов начинают съезжаться когда-то оставившие ее жители. «Это ежегодное действие приобретает в произведении характер ритуала и наделяется сакральным (священным) значением», — указывает литературовед М. Ибрагимов. С одной стороны, обращает на себя внимание тот факт, что выходцы из деревни Аксыргак никогда не женились и не выходили замуж на стороне, иначе говоря, Сабантуй у А. Гилязова не только праздник, ему присваивается ритуальная функция — сохранение генофонда общины (а в широком смысле — народа). Другая ритуальная функция Сабантуя состоит в сохранении единства народа [5, 18]: «Да если никто не будет приезжать, все перестанут приезжать — какая радость от сабантуя останется? А забудется он совсем, где, когда обязательно станут встречаться родные? Как узнают внуки, где их корни? Кто расскажет им об этом?» [1, 386]; «На Сабантуе, считается, все прежние обиды должны забываться, люди в этот праздник не счеты сводят, а роднятся, сдруживаются, за общим столом воскрешают в памяти дорогое прошлое, планируют будущее» [1, 387]. Если раньше жители деревень покидали родную землю только ради защиты ее рубежей, то сегодня молодежь разлетелась по всей стране в поисках лучшей доли: «Кук-Туба. Туркменистан... Донбасс, Кузбасс, Челябинск, Кушка, Рига, Архангельск... ..односельчане, ... где только не живут. По всему государству. А сабантуй собирает всех. На нем встречаются родные и близкие. Соединяются...» [1, 320].

Для главной героини Сабантуй — «праздник дружбы, родства и братства» [1, 415], на который собираются аксыргаковцы со всей страны, где «встречаются друзья, соединяются влюбленные, когда все — борцы, бегуны, наездники, мужчины, подростки, девушки, женщины — устаиваются тех или иных похвал» [1, 412]. Пока аксыргаковцы соблюдают обычай: «на сабантуе и встречаются, знакомятся, обручаются. А то и женятся, замуж выходят» [1, 387]. Во время приезда на родину обязательно посещают кладбище, где покоятся предки, отдавая им дань почтения. Посещение кладбища во время Сабантуя было не свойственно казанским татарам. Уразманова Р.К. указывает на то, что подобная традиция была свойственна чепецким татарам. Как правило, старики утром накануне или в день сабантуя собирались на кладбище. С собой они приносили узелок с куриными яйцами, который отдавали мулле, надеясь обеспечить себе благополучие в новом хозяйственном году. На кладбище старики совершали коллективное моление (намаз) [10, 86-88].

Правдиво изображая современность, А.М. Гилязов обращает внимание читателей на то, что в Аксыргаке уже появились дома, в которых не чувствуется праздничная суэта: дети позабыли дорогу в отчий дом. Так, дети старушки Бибинур не приезжают и не дают о себе знать уже восемь лет, а младший сын Галикая откупается от отца посылками. Автор, рисуя горькое сиротство двух стариков, показывает всю глубину трагедии, вызванной забвением вековых обычаев. К этой теме А.М. Гилязов вновь вернется в романах «Балта кем кулында?» («В чьих руках топор?») (1988-1989), где раскроет драму семьи Нургалеевых, и «Кылдан нэзек, кылычтан үткен» (1981-2002) («Тоньше струны, острее меча»). Старик Йусуф из «Балта кем кулында?» выносит приговор эпохе и своим современникам: «Ил белән бозылдык» («Мы испортились вместе со страной») [4, 430].

Праздник Сабантуя в произведениях А.Гилязова уже в раннем творчестве ассоциируется с патриархальным укладом предков, выступает частью «идиллического хронотопа», наделяет героическим потенциалом. Писатель не описывает состязания, а старается донести суть обрядовых действий. Его внимание приковано к ритуальной функции праздника. А.Гилязов указывает на сакральный характер Сабантуя и его роль

в сохранении единства села и татарского народа в целом. Отход от вековых традиций в позднем творчестве писателя оценивается как нравственная катастрофа беспамятства.

Литература

1. Гилязов А. Гилязов А. При свете зарниц. – М.: Сов. Россия, 1990. – 496 с.
2. Гыйләжев А. Әле мин дә илгә кайтырмын / А.М. Гыйләжев А. // Шәһри Казан. – 56 (4937). – 24 май 2011 ел. – Б. 8-9.
3. Гыйләжев А. Әсәрләр 4 т. – т.1. – Казан: Тат.китап.нәшр. 1994. – 574 б.
4. Гыйләжев А. Әсәрләр 4 т. – т.3. – Казан: Тат.китап.нәшр. 1994. – 574 б.
5. Ибрагимов М. Миф в татарской литературе XX века: Проблемы поэтики. – Казань: Gumanitarya, 2003. – С.18.
6. Хабутдинова М.М. Вопросы религиозной самоидентификации в творчестве татарского писателя Аяза Гилязова (1928-2002) // «Медина аль-Ислам». – №137. – 19 февраля 2013 г. // URL: <http://islamrf.ru/news/culture/history/26339/>
7. Хабутдинова М.М. Национальный хронотоп в творчестве А. Гилязова // Вестник ТГГПУ. – 2010. – №2(20) – С.188 – 196.
8. Хабутдинова М.М. Религиозный поиск Аяза Гилязова в контексте творческой эволюции // Фаизхановские чтения: материалы VII всероссийской научно-практической конференции «Комплексные исследования мусульман Волго-Окского региона: история, археология, филология, языкознание, этнография». – М.-Н.Новгород: Медина, 2011. – С.77 – 84.
9. Хабутдинова М.М. Хронотоп “жомга” (пятница) в прозе Аяза Гилязова (1928-2002) // Русский язык и Литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 27-30 июня 2012 г.) / Казан. Ун-т; Институт филологии и искусств; каф. совр. Рус. Яз. И метод.преп. – Казань: Отечество, 2012. – С.236-238.
10. Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – начало XX в.) – Казань: Дом печати, 2001. – 198 с.

Хайруллина Альфира Салихзяновна,

к. филол. н., ст.преп. кафедры

татарской филологии,

Елабужский институт К(П)ФУ

г.Елабуга, Татарстан, Россия

e-mail: alfira-7171@mail.ru

УДК 821.512.145

КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р.ВАЛЕЕВА

THE CONCEPT OF HERO IN WORKS R.VALEEVA

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проследить концепцию героя татарской художественной прозы рубежа второй половины XX века, а именно 60-80 е годы прошлого столетия, выявить его основные характерные черты. Рассматриваются различные точки зрения современных писателей о понятии «современный герой», о влиянии советской идеологии на саму концепцию героя. Особое внимание уделяется системе образов произведений татарского прозаика, общественного деятеля и борца за сохранение татарского языка Разила Валиева.

Ключевые слова: татарская Литература, концепция героя, произведение, поколение.

Abstract. The article recommended for publication attempts to follow the concept of the hero of the Tatar fiction turn of the second half of the twentieth century, namely 60-80 years of the last century, to identify its main characteristics. Also considered different points of view of contemporary writers about the concept of “modern hero”, About the influence of Soviet ideology on the concept of the hero. Particular attention is paid to the system of images of works of the Tatar writer, social activist and fighter for the preservation of the Tatar language Razil Valiev.

Key words: Tatar literature, the concept of a hero, works, generation.

В литературе второй половины XX века, а именно 60–80-х годов, концепция героя обозначена как эпоха осознания татарским народом значения человеческого бытия. Когда в сложной плотной взаимосвязи с обстановкой рождаются герои определенного типа, концепция героя претворяется в жизнь посредством